

РАЗВЕНЧАНИЕ ИЛЛЮЗИЙ О «ЧИСТОТЕ» ВЕРМАХТА: СЛОМ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ГЕРМАНСКОГО ОБЩЕСТВА ОБ ОТНОШЕНИИ АРМИИ К НАЦИСТСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К. А. Мельникова

В данной статье автор анализирует динамику изменения политики «исторической памяти» германского общества о проблеме преступлений вооружённых сил Третьего рейха в годы Второй мировой войны. На примере российских и зарубежных исследований рассмотрен процесс смены исторических представлений немцев от «чистоты» и незапятнанности вермахта до признания факта совершения преступлений на фронтах ведения войны. Автор анализирует предпосылки и причины смены «векторов исторической памяти» на примере значимых общественных, научно-популярных, культурных событий Германии, способствовавших изменению «картины прошлого» и становлению новой парадигмы исторического мышления. Данная статья затрагивает проблематику глубоких метаморфоз исторической памяти одного из болезненных вопросов в жизни немецкого общества со времён окончания Второй мировой войны, окончательной точки в решении которого на сегодняшний день поставлено не было.

Ключевые слова: Третий рейх, массовое сознание, политика памяти, ФРГ.

В ушедшем 2015 году мировой общественностью отмечался 70-летний юбилей победы союзных войск держав Антигитлеровской коалиции над нацистской Германией. Уходящие в «анналы истории» события тех лет имеют общую тенденцию к замалчиванию и забвению болезненных для немецкого общества тем. Одной из наиболее травматических проблем, включённых в общий контекст исторической памяти германского общества о Второй мировой войне, является вопрос о вооружённых силах Третьего рейха.

1990-е гг. в длительном процессе эволюции политики памяти в ФРГ ознаменовались резким поворотом в осмыслении роли вермахта в годы войны, уходом от представлений о незапятнанности и «чистоте» как его верховного командования, так и простых солдат, от откровенного нежелания признавать факты совершения им военных преступлений и преступлений против человечности на фронтах ведения Второй мировой войны.

Можно утверждать, что только спустя годы историческая справедливость частично возторжествовала: в массовом сознании был преодолен длительный путь с момента признания на Нюрнбергском процессе непреступной роли вермахта до невозможности отрицания его роли в нацистской преступной политике террора и геноцида спустя полвека. Перед общественностью предстала целая палитра злодеяний – от осведомлённости о преступных решениях руководства вермахта до присутствия солдат при массовых расстрелах и их возможной поддержке на уровне логистики и, наконец, до прямого участия в массовых убийствах или убийстве отдельных людей [1].

Причинами продолжительного замалчивания преступлений вермахта в годы Второй мировой войны по мнению историка В. Ветте является тот факт, что через эту армию прошли 18 млн. человек, а это означает, что практически на каждой семье в Германии лежит доля ответственности за причастность к гибели миллионов людей [2]. Поэтому основной вектор стратегии возвратившихся с войны бывших солдат и членов их семей заключался в вытеснении из сознания «нежелательных» воспоминаний о совер-

© Мельникова К. А., 2016.

Мельникова Кристина Александровна,

(kristina.meschalkina@yandex.ru),

магистрант исторического факультета

Самарского университета,

443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

шённых злодеяниях. Свою роль сыграло и то, что образ врага, сформировавшийся в годы нацистской диктатуры, оказался вновь востребованным в антикоммунистическом климате холодной войны [3].

Напомним, что эволюция массового сознания немцев в отношении проигравшей армии после окончания Второй мировой войны имела общую тенденцию к героизации вермахта. Распространению легенды о «чистоте» германских вооружённых сил Третьего рейха способствовал преемник Гитлера на посту главы государства – гросс-адмирал Карл Дёниц. В последнем докладе о состоянии вермахта от 9 мая 1945 г. Дёницем было заявлено, что несмотря на факт капитуляции вермахта во Второй мировой войне перед победителями, последний сражался «с честью», «изо всех сил», понеся большие потери, всегда оставаясь верным воинской присяге, а «результаты его военных действий незабываемы». В своих мемуарах он напишет: «Верный клятве, немецкий солдат верой и правдой служил своей стране, и это никогда не будет забыто... теперь каждый солдат, матрос и лётчик может сложить оружие, испытывая гордость за то, что сделал все возможное для спасения нашей нации. Тогда я думал, что эти слова уместны и справедливы. И сегодня я не изменил своего мнения» [4, с. 470].

Вермахт добился победы в борьбе за отношение к себе в глазах германской и мировой общественности. На международном процессе над главными нацистскими преступниками в Нюрнберге, а позднее на отдельном процессе над армейским командованием вермахт не был причислен к преступным организациям, следовательно, состава преступления в действиях вермахта не было выявлено. Отдельные эксцессы вооружённых сил на театрах военных действий воспринимались, скорее, как неизбежные исключения, вызванные условиями военного времени. Была сформулирована общая концепция относительно вермахта: во-первых, он не всегда подчинялся приказам верховного главнокомандующего, допуская неповиновение, а следовательно, выражал несогласие с общей политикой государства. Во-вторых, вермахт был не причастен к политике Холокоста, в-третьих, поскольку вермахт

с 1939 по 1945 гг. не совершал военных преступлений, а выполнял лишь свой воинский долг, то и о нарушении международных военных конвенций не могло идти речи [5, с. 542]. Представители бывшего генералитета вооружённых сил Третьего рейха, взяв за руководство к действию старый солдатский принцип «лучшей обороной является нападение», принялись писать апологетические мемуары и воспоминания [4; 6; 7].

Историческая наука ФРГ изначально не могла трансформировать такое представление о вермахте. Долгое время тема ведения войны вермахтом, а также целенаправленность политики Холокоста оставались «белыми пятнами» науки, тогда как в сфере интересов учёных находились проблемы Веймарской республики, прихода Гитлера к власти и наиболее общие оценки его деятельности. Попытки альтернативного взгляда после окончания войны незамедлительно пресекались, обвинению и обструкции подлежал всякий, усомнившийся в правильности действий вооружённых сил Третьего рейха на фронтах ведения войны. Ярким историографическим примером тому может служить работа «Вермахт в нацистском государстве» 1969 г. западногерманского профессора М. Мессершмидта, описавшего механизм подчинения германских вооружённых сил гитлеровскому политическому руководству, где учёный доказывал, что вермахт выполнял приказы, следуя верховному главнокомандующему. Оправдательная версия о частом сопротивлении «второй колонны» политическому руководству в принятии решений начисто отсутствовала. Книга получила резко негативные оценки и в среде интеллигенции, и в политических кругах, а это означало, что должного влияния на общественность произведено не было [8, с. 174–176].

В 1978 году вышла работа К. Штрайта «Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг.», рассказывающая об отношении руководства вермахта к советским военнопленным на Восточном фронте в годы войны. Взятая за основу директива А. Гитлера о том, что «они [советские солдаты] нам не товарищи... Речь идёт о борьбе на уничтожение» [9], на совещании командующих и начальников штабов армий Восточного фронта стала руководством к

действию для вермахта. После опубликования книга вызвала жесткое неприятие со стороны военных историков ФРГ, лишь немногочисленное число историков было готово согласиться с содержанием книги, но с отнесением преступлений немцев на Восточном фронте на счет СС, СД, айнзатцкоманд, чья деятельность была признана преступной ещё на Нюрнбергском процессе. И снова «чистота» и неприкосновенность вермахта на Востоке сохраняли свою актуальность в среде интеллектуалов германской исторической науки, и как следствие, данная работа осталась не оценённой и недоступной для большинства граждан ФРГ.

Наряду с этим, предпринимались смелые попытки историков Г. А. Якобсена, А. Хилльгрубера, Д. Айххольца, К. Гесснера по изучению причин вытеснения из социальной памяти представлений о преступлениях вермахта, предпосылок подобной коллективной культурно-исторической «амнезии», по реконструкции стереотипов, динамически продвигавшихся от образа вермахта как жертвы гитлеровского режима до мифа о ведении немецкой армией оборонительной войны на Востоке [8, с. 176].

Широкий резонанс в немецком обществе вызвал показ совместного американо-советского документального сериала «Неизвестная война» 1981 г. о событиях войны на Востоке. Сериал был смонтирован из многочисленных кадров видеосъёмок телерепортёров из эпицентра показанных в фильме событий. Изначально трансляция данного сериала столкнулась с серьёзным сопротивлением: бывшие офицеры нацистской армии в десятках агрессивных писем угрожали правой руководителю телекомпании WDR, выпустившей фильм на экран. Еженедельник «Die Zeit» констатировал, что результатом просмотра телефильма были «ужас и стремление понять прошлое, в особенности у молодёжи, которая знает о войне только понаслышке» [8, с. 176].

Настоящим прорывом для преодоления исторических представлений о «чистоте» вермахта стала передвижная документальная выставка «Преступления вермахта», показанная (в её первой редакции) в 1995–1999 гг. в 32 городах ФРГ, подготовленная Гамбургским институтом социальных ис-

следований [10]. Парадокс выставки состоял в том, что основные факты, отражённые в экспозиции, не единожды становились предметом острых дискуссий в среде германских интеллектуалов, однако просто не воспринимались и игнорировались большинством немцев. Выставка демонстрировала факт того, что верховное командование ещё накануне нападения на Советский Союз дало ряд противоречащих нормам международного права распоряжений, выбрав тактику войны на уничтожение: приказ «об особом отношении» к советским комиссарам, судопроизводство над партизанами на месте ведения боевых действий, отношение к гражданскому населению и военнопленным, участие в Холокосте. В качестве обсуждаемой темы возникал вопрос о том, почему генералы вермахта не выступили против расистски направленной политики уничтожения оккупированных территорий. Ответом на этот вопрос служит политика и особое место идеологического аппарата власти, который с самого начала ведения боевых действий основную стратегию своей деятельности усматривал в целенаправленном разжигании расовых, антисемитских и антибольшевистских взглядов, оставшихся у многих генералов ещё со времен Первой мировой войны, поощряя отдельные преступления и делая их образцами героизма [5, с. 544]. В то же время в идеологической пропаганде Третьего рейха особую роль играл миф о превентивном ударе Германии против ожидаемой агрессии с Востока от власти большевиков, поэтому долгом каждого солдата вермахта предписывалось недопущение распространения «красной угрозы» в Германии. Между верховным командованием и партией не было непонимания в том, что все важные вопросы можно решить только с помощью военной силы. Этот тезис имеет глубокие исторические корни в особенностях воспитания и организации военной системы в Пруссии, являвшейся эталоном для военного командования Германии. Отсюда можно сделать вывод, что в среде военной элиты Германии преобладали неуважение к демократическому устройству государства и международным военным конвенциям в противовес авторитету «сильной руки» лидера.

Поворотным моментов выставки стал 1997 год, когда она была показана в Мюнхене. В записях книг посетителей выставки – неопровержимого доказательства сдвигов в общественном мнении на данную проблему – оказалось больше половины отзывов ветеранов бывшего вермахта. Общее настроение достаточно было передать следующими записями: «Все это ложь, ничего этого не было»; «Через полвека после окончания войны организован крестовый поход против германского вермахта. Позор!»; «Выставку надо запретить!» [8, с. 177]. Выставка способствовала подъёму проблем вины и ответственности за совершённые преступления, а также проблемы отцов и детей, конфликту поколений воевавших и знавших о происходившем только в пересказах, которые неизбежно вызвали много вопросов у бывших военнослужащих вермахта. Однако некоторые неточности в деталях выставки дали моментальную почву для эрозии ожидаемых выводов, на которые рассчитывали её организаторы, и вызвали всплеск работ (как правило, правого толка) по реактивации памяти показа жертв среди нацистов.

Новая редакция выставки успешно действовала в ФРГ с 2001 по 2004 гг. с суммарным посещением обеих редакций около 1 млн. 200 тыс. человек, не беря во внимание многочисленные телешоу, интервью, обсуждения данной проблематики в СМИ [11].

«Франкфуртская всенародная газета» была вынуждена признать, что выставка «Преступления вермахта» оказалась «самой успешной исторической выставкой в ФРГ», ставшей «фактом общественного сознания» [8, с. 177]. Выставка способствовала углублению интереса общества к сложной историко-этической и культурно-философской проблеме преступлений вермахта, а также возникновению «дифференцированного подхода» к вопросу об ответственности немецкой армии в годы Второй мировой войны за совершённые преступления, обнажив вопросы о различиях в степени причастности миллионов рядовых военнослужащих и высшего командования [12, с. 1–75], об особых методах ведения войны вермахтом на Востоке [13, с. 337].

С самого начала работы выставка имела большое число оппонентов, оценки кото-

рых колебались от крайне негативных до положительных. Профессор К. Хартман из института современной истории Мюнхена признавал важность выставки, которая способствовала донесению до общества точки зрения о том, что вермахт действовал «под знаком античеловеческой идеологии и последовательного отказа от правовых норм», но поставил новый поворотный для исторической памяти неоднозначный вопрос: если говорить о вермахте как о преступной организации, то какова степень ответственности миллионов солдат за войне на Востоке, которые были обязаны строго и безукоризненно выполнять приказы старших по званию? Или же ответственность за преступления лежит на узком круге генералов и штабных офицеров? Учёный был убеждён в главном, что легкомысленно «мести всех одной метлой» недопустимо, необходим дифференцированный подход к проблеме [8, с. 178].

Историк способствовал распространению своих взглядов в интеллектуальной среде института, он разделял точку зрения о том, что вермахт действовал в союзе с правящим режимом и карательными подразделениями власти, проследив путь пяти германских дивизий в составе армии «Центр» в своем труде «Вермахт в войне на Востоке. Фронт и тыл в 1941–1942 гг.», сделав вывод о виновности дивизий в совершённых преступлениях против коренного населения СССР, не выделив существенных различий между ними [12, с. 791].

По теме оккупации вооружёнными силами Третьего рейха СССР труд Д. Поля «Власть вермахта. Германская военная оккупация и советское местное население в 1941–1944 гг.» на основе анализа германских и российских архивов был признан газетой «*Tageszeitung*» образцовым трудом по истории германской военной оккупации советских территорий» [8, с. 179].

Если теме исторической памяти о разгроме германских вооружённых сил под Сталинградом есть место в ФРГ (о чём может свидетельствовать большое количество немецкоязычной литературы вплоть до наших дней), то о блокаде Ленинграда первая работа сотрудника Иенского университета И. Ганцемюллера «Блокадный Ленинград 1941–1944. Город в стратегиях оккупантов»

вышла лишь в 2007 году. Причиной тому является тот факт, что в истории битвы на Волге по-прежнему остаётся место мучениям и жертвенности солдат вермахта, тогда как под Ленинградом ни о какой жертвенности со стороны немцев говорить не приходится. Автор с сожалением констатировал: в целом, в обществе нет места культурной памяти о блокаде Ленинграда, так как до сих пор продолжают превалировать стереотипы, сложившиеся под влиянием мемуаров генералов вермахта о непривычных для немцев условиях ведения войны, жестоком сопротивлении Красной армии и т. п. [8, с.180].

Однако и по данному вопросу наблюдается позитивная динамика. Так, 27 января 2014 года в день памяти жертв блокады Ленинграда почётным гостем Бундестага явился писатель, в годы войны имевший «окопный опыт младшего офицера» Д. Гранин, который выступил с речью об условиях выживания в блокадном Ленинграде. В предваряющей выступление Гранина речи президент бундестага Норберт Ламмерт особо акцентировал внимание на том факте, что нацистское командование в годы войны ставило своей целью не простой захват города, а именно его уничтожение вместе с населением.

Таким образом, исторические представления германского общества о причастности вермахта к военным преступлениям и преступлениям против человечества в годы Второй мировой войны прошли сложную трансформацию от вытеснения из коллективной памяти «нежелательных» воспоминаний о преступлениях немецкой армии, от мифа о «чистоте» вермахта до поворота к признанию факта причастности последнего к политике террора и геноцида, осуществлявшихся нацистским режимом. Важную роль в данном повороте сыграла выставка «Преступления вермахта» второй половины 1990-х гг., всколыхнувшая массовое сознание германского общества. В настоящий момент окончательное преодоление предшествующих исторических мифов ещё не осуществлено (несмотря на все значительные шаги в данном направлении), что обуславливает и дальнейшую актуальность как историко-исследовательских, так и этико-культурных разработок в направлении сложной и многогранной проблемы ответ-

ственности вермахта во Второй мировой войне.

Литература

1. Эхтернкамп Й. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://old.magazines.russ.ru:8080/nz/2005/2/ek9.html> (дата обращения: 25.03.2016).
2. Ветте В. Цепкие легенды о войне против СССР. URL: http://sceptis.net/library/id_3032.html (дата обращения: 26.03.2016).
3. Ветте В. Война на уничтожение: вермахт и Холокост URL: http://sceptis.net/library/id_695.html (дата обращения: 29.03.2016).
4. Дёниц К. Десять лет и двадцать дней. Воспоминания главнокомандующего военноморскими силами Германии 1935–1945. М.: Центрполиграф, 2004. 495 с.
5. Ветте В. Гитлеровский вермахт. Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // Память о войне 60 лет спустя. М.: НЛЮ, 2005. С. 541–548.
6. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999. 656 с.
7. Маннштейн Э. Утерянные победы. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 636 с.
8. Борзняк А. И. «Это была преступная расово-идеологическая война». Нацистская агрессия против СССР в исторической памяти современных немцев // Российская история. 2012. № 3. С. 174–188.
9. Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М.: Русское историческое общество; Русская панорама, 2009. 480 с.
10. Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://old.magazines.russ.ru:8080/nz/2005/2/ke11.html> (дата обращения: 01.04.2016).
11. Es ist nie zu Ende. "Verbrechen der Wehrmacht": Die spektakuläre zeithistorische Ausstellung wird jetzt in Hamburg zum letzten Mal gezeigt. Ein ZEIT-Gespräch mit Ulrike Jureit, Jan Philipp Reemtsma und Norbert Frei zieht Bilanz // Die Zeit. 2004. 24. Januar. URL: <http://www.zeit.de/2004/05/Wehrmacht> (дата обращения: 01.04.2016).

12. Hartmann Ch. Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. R. Oldenbourg Verlag München, 2009. III. 928 s.

13. Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. R. Oldenbourg Verlag München, 2008. 409 s.

**DISPELLING ILLUSIONS OF THE WEHRMACHT «PURITY»:
SHATTERING ATTITUDES OF THE GERMAN SOCIETY
TOWARDS THE CONNECTION OF THE ARMY TO NAZI CRIMES
DURING WORLD WAR II**

K. A. Melnikova

In the present article the author analyses the dynamic patterns concerning the policy of German society' «historical memory» of the crimes committed by the armed forces of the Third Reich during World War II. The process of Germans' attitude shift from the idea of Wehrmacht «purity» and immaculacy to the admission of the fact of committing war crimes has been examined through the example of Russian and foreign research works. The author of the article analyses the preconditions and reasons for the «historical memory vectors» on the example of key social, popular scientific, cultural events of the German history, which contributed into the change of the «image of the past» and the establishment of the new paradigm of historic thinking. The present article touches upon the problem of significant transformation of historical memory in terms of one of the sore subjects in German history since the ending of the World War II, to which no final solution has yet been found.

Key words: Third Reich, collective consciousness, historical memory policy, Federal Republic of Germany.

Статья поступила в редакцию 12.09.2016 г.